

**ФРОНТОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЮНОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Н. ИВАНОВА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ»)**

А. С. Новиков¹

Анализируется содержание повести Ю.Н. Иванова «В осажденном городе», основой для которой послужили фронтовые воспоминания автора. Показано, как описание автором конкретных объектов архитектуры и искусства служит средством художественного познания истории Кёнигсберга. Художественный текст, создаваемый автором на основе увиденного и пережитого, позволяет ему не только вновь погрузиться в прошлое и заново пережить его, но и это прошлое переписать, изменить его в соответствии с авторской концепцией.

Ключевые слова: *Восточная Пруссия, штурм Кёнигсберга, Ю.Н. Иванов, краеведение.*

К началу 70-х годов XX века имя Юрия Николаевича Иванова было хорошо знакомо калининградским читателям — к этому времени он стал достаточно популярным писателем-маринистом. Но в сентябре 1973 года в газете «Калининградский комсомолец» началась публикация его повести «В осажденном городе». Это было произведение в жанре популярных в советское время «военных приключений». Как справедливо отметила Н.П. Перетяка, «через военную тему про разведчиков было позволительно в рамках идеологических советских барьеров описывать территорию Восточной Пруссии» [7, с. 45]. И, добавим — описывать блокированный советскими войсками Кёнигсберг, который стал главным местом действия первой «военной» повести Ю.Н. Иванова.

Главный герой повести — «сын полка» Валерий Волков, фактически приемный сын майора С.В. Воропаева. Они оба ленинградцы, познакомились в 1941 году у эшелона с эвакуированными жителями.

¹ Калининградский областной историко-художественный музей
236006, Россия, Калининград,
ул. Клиническая, 21.

Поступила в редакцию 10.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-3

© Новиков А. С., 2017

А позднее «Степан Васильевич подобрал его, полуживого от голода на одной из занесенных снегом улиц, забрал к себе, в воинскую часть, оборонявшую город, да так они и прошли всю войну от Ленинграда до Кёнигсберга» [3]. Таким же был путь к Кёнигсбергу и самого писателя. «Я был в ленинградской блокаде, голодал, охотился на кошек, хоронил близких мне людей, а потом, став «воспитанником армии», солдатом похоронно-музыкальной команды (я был «вторым малым барабаном», но мы больше хоронили, чем играли...), дошел с этой командой, своим барабаном и лопатой до пылающего, лежащего в руинах Кёнигсберга», — писал Ю. Н. Иванов в одном из своих писем [1, д. 296, л. 16].

В 1945 году майор Воропаев «ведает агентурными делами в разведуправлении штаба фронта» [4, №117], а Валера входит в группу, которая занимается подготовкой макета города-крепости, строит «игрушечный Кёнигсберг». «Разочарованию Валеры не было границ: вместо того чтобы ходить со своими друзьями в разведку, он, поднимаясь до рассвета, строгал из мягкого дерева домики, кирпичи, бастионы, раскрашивал их, строил, строил город, строил вместо того, чтобы разрушать его» [4, №115]. При этом отец Валеры — советский разведчик. Он работал под дипломатическим прикрытием в Берлине и Гамбурге, там же жила и его семья. Поэтому Валера хорошо владеет немецким языком: «Он так хорошо знал его, что говорил лучше, чем по-русски» [4, №145]. И когда майору Воропаеву потребовался разведчик, который сможет проникнуть в Кёнигсберг, он остановил свой выбор на Валере. Его задание — выяснить систему немецкой обороны в районе здания провинциального финансового управления и забрать из тайника в разрушенном здании на Брамштрассе пакет со сведениями об оборонительных сооружениях Кёнигсберга [4, №115, 123]. В городе ему предстоит действовать под именем Курта Хейле, сына капитана вермахта Вольфганга Хейле — он ищет своего отца, которого потерял при отступлении из Инстербурга (г. Черняховск) [4, №116, 122].

После перехода линии фронта Волкова-Хейле задерживает наряд полевой жандармерии, и его под конвоем доставляют в форт «Фридрих Вильгельм III». Здесь он становится свидетелем примечательной сцены.

Вдоль стены лежали в ряд десятка полтора трупов. Усатый фельдфебель ходил тут, он перешагивал через трупы, наклонялся и, расстегнув одежду, шарил на трупах. Валера подошел ближе: фельдфебель в это время выудил из-за рубахи убитого алюминиевый жетон, повешенный на

пешю, и, перерезав бечеву острым кинжалом, разломил жетон пополам. Одну половину жетона он кинул в мешочек, а вторую, раздвинув зубы трупа лезвием ножа, засунул мертвому в рот [4, №126].

Эту же сцену Валера видит уже после того, как форт был взят штурмом, и отличалась она лишь тем, что среди убитых лежал и комендант форта [4, №149]. Сам автор повести в апреле 1945 года действительно был свидетелем подобной сцены, только происходила она у другого форта — «Королева Луиза».

Я подошел ближе и увидел, что капрал раскрывает кинжалом убитому рот. <...> Глянул в мою сторону и, хмуро усмехнувшись, вытянул бечевку, на которой болталась округлая, прорезанная посередине узкой щелью бирка, «собачий жетон». На этом жетоне, который имелся у каждого немецкого солдата, выбито его имя, фамилия и воинская часть, где он служит. Взяв кинжал, капрал перерезал бечевку и разломил бирку пополам. Одну половинку он сунул в свой тяжелый брезентовый мешок, вторую — в разинутый рот мертвеца. Слегка ударил рукой по подбородку, и убитый гренадер «закусил» жетон [5, с. 366].

Здесь же Валера знакомится с другим подростком, также задержанным вблизи передовой, — Рудольфом Кёнигом.

Зови меня просто Руди. У тебя отец кто? Пехота, да? А у меня отец был летчиком. Он с самого первого дня... <...> Ну вот: он даже Москву бомбил, а особенно много — Ленинград. Он там к чертям собачьим полгорода разнес. <...> А потом сбили его. Самолет на куски [4, №127].

Отсылка к биографии немецкого пилота, который «бомбил Ленинград», едва ли случайна. Дело в том, что в Калининграде Ю. Н. Иванов жил в доме, ранее принадлежавшем немецкой семье (ул. лейтенанта Катина, 65). «Живу в доме, который был домом семьи Мюллеров, которая мне, как ни странно, знакома уже давно. Из нижнего ящика письменного стола я достаю толстую картонную папку, стянутую бечевкой. Лет 12 назад я нашел ее на чердаке, когда ремонтировал крышу, в кипе газет «Кёнигсбергише альгемайне цайтунг» и потрепанных нот» [5, с. 131]. В этой папке среди прочего были «восемь пожелтевших фотографий и пачка писем, поступивших в Кёнигсберг из Гатчины, зеленого городка, где я обычно проводил лето у своего дедушки. Помню, как я до глубокой ночи корпел над письмами, переводил их. Это были письма Отто Мюллера... стрелка-радиста пикирующего бомбардировщика «Ю-87», базировавшегося на гатчинском аэродроме.

Отто погиб при налете на Ленинград в марте сорок третьего года, и командование части, где он служил, вместе с его вещами отослало в Кёнигсберг вот эти фотографии и последнее, написанное перед самым вылетом, но не отосланное домой его письмо. <...> Как все странно и удивительно, как все сложно. Годы войны! Такой страшный, голодный, полный лишений для меня блокадный год» [5, с. 131 – 132].

После проверки (точнее, перекрестного допроса), которую проводит некий унтерштурмфюрер Фогт, Курт-Валера и Руди получают новое назначение.

Итак, Курт, и ты, Рудольф... – унтерштурмфюрер, поправив ремень, торжественным голосом произнес: Властью, мне данной, я зачисляю вас в третью, молодежную роту «ягуаров» второго батальона северного сектора обороны города, которым командует отважный боец за нашу прекрасную страну – штандартенфюрер СА Ланге. Призываю вас исполнить свой долг до конца. Хайль! [4, №125].

Что же это за «ягуары»? Конечно, такого подразделения не существовало. Но дело в том, что Ю.Н. Иванов долгое время задумывал произведение о кёнигсбергских школьниках во время войны. В его рабочих материалах сохранилось несколько планов-набросков. Вот один из них: «Март. Формирование отрядов. В школе лишь девчонки да больные. Но и те работают на расчистке улиц. Лотта – [в] отряде «Гепард». Хитрость, стремительность, ярость, смелость: гепард погибает, но не отдает своего логова. Эмблемы, форма, оружие. Ночное патрулирование» [1, д. 174, л. 80]. А в одной из записных книжек писатель отводит целую страницу убористого текста под планы «приключений Волкова» и один из вариантов излагает так: Волкова отправляют «в школу гитлерюгенд, в особый четвертый взвод, детей, у которых есть лишь одна мать – Великая Германия» [1, д. 266, л. 23 об.]. Вот о таких немецких мальчишках, которым внушили, что у них «есть лишь одна мать – Великая Германия», и хотел написать писатель. О трагедии оказавшегося в горниле войны молодого поколения, которое нацистское руководство хотело превратить в «гепардов, которые погибают, но не отдают своего логова» – своего родного города, своих домов.

Итак, вместе с Руди Волкова-Хейле отправляют в казармы «ягуаров». «Ага, вот и шоссе Раушен-Кёнигсберг. Многоэтажные здания казарм, радиоцентр Шарлоттенбург, а дальше – высокая, красная башня водокачки. Шоссе тут было перегорожено шлагбаумом, и грузовик остановился в хвост трем другим автомобилям: проверка документов. Снова поехали» [4, №129]. Сейчас бывший «радиоцентр Шарлоттен-

бург» — областной радиотелевизионный передающий центр РТРС на Советском проспекте Калининграда, а «красная башня водокачки» — это водонапорная башня насосной станции «Хардерсхоф», в которой размещается музей МУП КХ «Водоканал». По пути в грузовик подсаживают Ингу, немецкую девушку, раненую при авианалете. Ее отвозят в госпиталь, который размещается в кирхе памяти королевы Луизы [4, № 131, 133, 135]. Наконец «впереди показалась высокая, серая башня плаца Эриха Коха, увенчанная позеленевшим орлом; грузовик миновал ее, и теперь Валера увидел красное здание Земельного финансового управления. Не подъезжая к главному входу, машина свернула на улочку, как бы обтекающую здание с тыла, и остановилась перед массивными воротами. Возле них, широко расставив ноги, застыли двое парней в касках, надвинутых на самые брови, и с автоматами в руках» [4, № 135].

«Высокая серая башня» и сейчас возвышается над современным стадионом «Балтика», а в «красном здании», хорошо знакомом калининградцам, после войны размещался областной комитет партии, а ныне — правительство Калининградской области. Вот только никакой казармы там нет. Проехав по Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского), грузовик свернул бы на Фойхтвангенштрассе и, обогнув финансовое управление с тыла, подъехал бы по Зальцаштрассе прямо к небольшому зданию баптистской капеллы (сейчас его уже не существует). Но сразу за железнодорожными путями, рядом с площадью Троммельплатц действительно располагалась казарма, на месте которой ныне построен жилой дом (ул. Театральная, 25–33). Скорее всего, ее и имел в виду автор повести. Здесь перед мальчишками-фолькштурмовцами на одном из митингов выступают «армейский подполковник, только что приехавший с передовой, а потом худощавый, щеголеватый хауптман Тибуриц, на френче которого красовался новенький "рыцарский крест", полученный за то, что он поджег фаустпатронами четыре советских танка под Хайлигенбалем» [4, № 142]. А что, вполне возможно — кому же еще выступать перед «ягуарами», как не герою боев? Ведь некий гауптштурмфюрер СА Тибурци (Tiburzy) из кёнигсбергского фолькштурма действительно получил «Железный крест» за то, что подбил пять советских танков. Правда, это было еще в феврале и не под Хайлигенбайлем [8, S. 136]. И кому, как не ему, продемонстрировать перед фолькштурмовцами возможности «панцерфауста»?

Громко топоча подкованными ботинками, фолькштурмисты медленно шли по Альте-Пиллау-Ландштрассе к своим логовам. Они уже сделали по десять выстрелов из карабинов на плацу Эриха Коха и увидели в

действии фаустпатроны. Сам хауптман Тибуриц с расстояния в двадцать метров выстрелил по брошенному за трибунами плаца подбитому, видно, советскими штурмовиками танку «пантера». От страшного взрыва в борту «пантеры» образовалась рваная, дымящаяся дыра, в которую мог свободно влезть человек, а башня отлетела в сторону шагов на десять [4, №143].

А один из маршрутов патрулирования «ягуаров» проходит по Лавскер Аллее — проспекту Победы.

Лавскер Аллея! <...> Валера встрепенулся, посмотрел вправо-влево. Они стояли на маленькой, уютной, окруженной старыми каштанами площади. От нее, как щупальца морской змеи, отходили пять улиц, а с краю возвышалось разрушенное здание кирки. Бомба будто отсекала одну половину здания, совершенно не тронув другую, и поэтому прямо с улицы можно было видеть «внутренности» кирки: красивый, резной из дерева алтарь; бронзовые подсвечники, укрепленные на стенах, и большой деревянный крест, к которому был прибит деревянный же Иисус Христос. Крест был подвешен к потолку на цепях. Вдоль Лавскер Аллее прокатывался едва приметный теплый ветер, и крест ходил взад-вперед, будто Иисус Христос качался на качелях [4, №144].

Это католическая кирха Святого Адальберта (ныне Западное отделение Института земного магнетизма и распространения радиоволн РАН) на Штернплац (современном Литовском сквере Калининграда). Здесь, на углу Лавскер Аллее и Адальбертштрассе (ул. Марины Расковой), жил в сороковые годы прошлого века мальчишка Юра Иванов [7, с. 95], и он тогда наверняка видел распятие, раскачивающееся на ветру в разрушенном нефе кирхи.

В итоге Волков-Хейле забирает из тайника в подвале разрушенного дома на Брамс-штрассе пакет со сведениями об обороне Кёнигсберга [4, №146]. Он собирается вернуться к своим, но этому пытается помешать Рудольф, его новый товарищ в отряде «ягуаров» — он догадывается, что Хейле на самом деле не тот, за кого себя выдает. Они стреляют друг в друга, Валера убивает Рудольфа, но и сам получает ранение. Несмотря на это, ему удается перейти линию фронта [4, №148].

Вновь Валера попадает в Кёнигсберг сразу после штурма. Вместе с майором Воропаевым он едет по только что взятому городу — едет тем же маршрутом, которым его всего одиннадцать дней назад везли в казармы «ягуаров».

«Виллис» выкатился на Окружную дорогу и завиялял среди воронок, патронных повозок и взорванных, уткнувшихся хоботами орудий в землю

танков. Ну вот и шоссе Раушен-Кёнигсберг, облупившиеся, побитые пулями казармы, радиочентр Шарлоттенбург, пробитая снарядами красная башня водокачки. Катили на велосипедах, заткнув полы шинелей за ремни, солдаты; ехали машины, громыхали траками по брусчатке танки, брели толпы людей с тюками, чемоданами, с ребятишками на руках. Показались железнодорожные пути у Нордбанхофа, черные сторовшие цистерны.

— Этот бронепоезд и состав с топливом, малыш, летчики записали в твой актив, — сказал Степан Васильевич, вынимая из кармана шинели трубку и железную, из-под леденцов «монпансье» баночку с табаком. — Как только ты вернулся и рассказал обо всем, я позвонил ребятам из штурмовой авиации, ну они на другое утречко и пропахали тут все [4, №149].

Бронепоезд у Северного вокзала действительно существовал. Участник штурма Кёнигсберга В.Н. Гаврилов отмечает в своих воспоминаниях, что видел «бронепоезд, стоящий под взорванным мостом на ул. Генерала Озерова» [2].

Шурша шинами среди железного лома, которого так много оставила после себя на улицах города война, объезжая поваленные на мостовую трамвайные вагоны и толпы идущих в плен бывших солдат кёнигсбергского гарнизона, «виллис», протиснувшись через узкий проезд заграждения у Нордбанхофа, свернул на Штайндамштрассе и, оставив справа красивое и совершенно целое здание городского и земельного суда, перед которым возвышались фигуры двух борющихся зубров, они выехали к приземистому театру. На памятнике Шиллеру уже кто-то написал белилами: «Не трогать. Свой!», и майор сказал Валере, что эту надпись сделали его ребята-разведчики [4, №149].

Но ведь именно так юный Юра Иванов вместе с бойцами похоронно-музыкальной команды ехал в апреле 1945 г. по улицам только что взятого штурмом Кёнигсберга! Вот что он вспоминал:

Высокая фигура на сером постаменте, что напротив сторовшего театра. Вздернутая вверх, побитая пулями голова. Свиток в руке. <...> А, тут надпись есть: «Шиллер». Шиллер? Неужели? Шиллера я еще до войны читал, в дедушкиной библиотеке был отличный том издательства Сойкина. «Не стреляйте, это свой!» — написано по-русски мелом с одной стороны постаumenta. «Нихт шиссен, дихтер!» — с другой. И еще, по трафарету, белой краской: «Здесь первыми прошли гвардейцы полковника Толстикова». Ну, эти гвардейцы! Кажется, я уже в третий или четвертый раз вижу эту надпись, пока мы по Кёнигсбергу сегодня ехали [6, с. 40 — 41].

Лишь один эпизод в повести выдает принадлежность автора повести в прошлом к похоронной команде: «Гробов не было, да и негде было найти столько досок, чтобы сколотить гробы, и трупы, завернув в плащ-палатки, положили в длинные широкие ящики из-под снарядов для шестиствольных минометов. Молчаливые, изнуренные боями солдаты сносили ящики в глубокий ров и составляли их там, один на другой длинными рядами» [4, №149].

Но все же главное для автора — преодоление взаимной ненависти, разделившей в годы войны русский и немецкий народы. Валера Волков рвется в Кёнигсберг со страстным желанием отомстить за те страдания, которые немецкие солдаты причинили его стране [4, №129]. Но вскоре он (а с ним и Юра Иванов) понимает, что жители города — такие же жертвы этой войны, как и он сам.

Что же все-таки произошло с ним? Все годы войны он ждал мести. <...> Ну почему, почему люди воюют?! Ну как сделать так, чтобы больше никогда не было войн?.. Да-да, вот что очень важно: нужно добиться, чтобы больше никогда не было войн! [4, №153].

«Виллис» помчался по Лавскер Аллее, а с низкого неба лениво посыпались пушистые снежинки, как будто природа хотела скрыть под снегом еще дымящиеся воронки от снарядов, горячие остовы взорванных боевых машин и розовые лужицы, видневшиеся там и сям на тротуарах, лужицы чьей-то крови, теперь уже никому и неизвестно чьей: русской или немецкой [4, №152].

Используя воспоминания своей юности, автор повести рисует картину прифронтового Кёнигсберга — такого, каким он видел этот город в апреле 1945 года. Форт №5, у стен которого убитые немецкие солдаты «закусывают» свой «собачий жетон» (незадолго до начала публикации повести в мае 1973 года здесь был торжественно открыт мемориальный комплекс в честь штурмовавших форт советских воинов [3]), здание бывшего провинциального финансового управления, башню стадиона «Балтика», памятник Шиллеру и фигуры борющихся зубров на проспекте Мира, бывшее здание провинциального суда (в 1973 году — корпус Калининградского технического института) рядом с ними, здание Северного вокзала, кирху памяти королевы Луизы, водонапорную башню на Советском проспекте — все эти здания и памятники, на фоне которых разворачивается действие повести, были хорошо знакомы калининградцам. Они создавали необходимый для места действия повести «немецкий» колорит, погружавший читателей

в то время. И читатели повести не могли не соотносить эти зарисовки с современным им Калининградом. Это было формой художественного познания истории Кёнигсберга.

Еще в мае 1972 года Ю. Н. Иванов подал в Калининградское книжное издательство заявку на два романа — «Осада» (посвященный блокаде Ленинграда) и «Штурм» («это вторая книга романа о жизни и военных приключениях ленинградского мальчишки Валерки Волкова, это книга о штурме Кёнигсберга, о последних днях столицы Восточной Пруссии» [1, д. 56, л. 24]). В аннотации он уточнял: «И первая, и вторая книги романа в большой степени основаны на личных впечатлениях автора, участника ленинградской блокады и штурма Кёнигсберга, объединены они сквозным сюжетом, но вместе с тем каждая из книг имеет свое самостоятельное, законченное значение» [1, д. 56, л. 24]. Повесть «В осажденном городе» автор считал газетным вариантом «Штурма» [1, д. 56, л. 25]. Но художественный текст, создаваемый автором на основе увиденного и пережитого, позволяет ему не только вновь погрузиться в прошлое и заново пережить его. Он дает возможность это прошлое переписать, изменить так, как этого хочется автору. Так подросток Юра Иванов, который «прокопал почти всю Восточную Пруссию от литовской границы, Вирбалиса, до Кёнигсберга: был "вторым малым барабаном" в музыкально-похоронной команде» [1, д. 23, л. 25 об.] превращается в юного разведчика Валеру Волкова. Теперь он не копает братские могилы и не укладывает в них тела погибших бойцов, а с риском для жизни проникает в тыл врага и доставляет оттуда советскому командованию важные сведения. Валера Волков — это тот, кем автор повести хотел быть, но кем ему было не суждено стать.

Список литературы

1. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-1183, Оп. 1.
2. Гаврилов В. Н. Танкисты шли впереди // Янтарный край. 2000. 28 янв.
3. Здоров А. Во имя жизни // Калининградская правда. 1973. 11 мая.
4. Иванов Ю. Н. В осажденном городе // Калининградский комсомолец. 1973. 21 сентября — 23 декабря. № 114—152.
5. Иванов Ю. Н. Пятая версия: исчезнувшие сокровища. Поиск. Факты и предположения. М., 1989.
6. Иванов Ю. Н. Танцы в крематории. Калининград, 2006.
7. Перетьяка Н. П. Причалы Юрия Иванова. М., 2016.
8. Lasch O. So fiel Königsberg. Stuttgart, 1976.

Об авторе

Новиков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Калининградский областной историко-художественный музей, Россия.

E-mail: novic-80@rambler.ru

Для цитирования:

Новиков А. С. Фронтовые воспоминания юности в творчестве Ю. Н. Иванова (на примере повести «В осажденном городе») // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 30–40. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-3.

BATTLEFIELD MEMORIES OF THE YOUTH IN Y. N. IVANOV'S OEUVRE: THE NOVEL IN A BESIEGED CITY

A. S. Novikov¹

¹ Kaliningrad Regional Museum of History and Art,
21 Klinicheskaja Str., Kaliningrad, 236006, Russia

Submitted on May 10, 2017

This article analyses Yu. N. Ivanov's novel In a Besieged City, which was inspired by the author's battlefield memories. Yu. N. Ivanov pictures the city as he saw it in April 1945. It is shown how descriptions of the works of architecture and art contribute to the artistic understanding of the history of Königsberg. The literary text based on what the author saw and experienced helps him to not only immerse himself in the past and relive it but also rewrite the past and change it to fit his concept of it.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, штурм Кенигсберга, Ю. Н. Иванов, краеведение.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Kaliningradskoi oblasti (GAKO) [State Archive of the Kaliningrad region], F. R-1183, aids 1.
2. Gavrilov, V. N., 2000. Tankmen went ahead. *Yantarnyi kraj* [Amber region], 28 yanvarya.
3. Zdorov, A., 1973. In the name of life. *Kaliningradskaya Pravda* [Kaliningrad truth], 11 maya.
4. Ivanov, Yu. N., 1973. In the besieged city. *Kaliningradskii komsomolets* [Kaliningrad Komsomolets], 114–152.

5. Ivanov, Yu.N., 1989. *Pyataya versiya: ischeznuvshie sokrovishcha. Poisk. Fakty i predpolozheniya* [The fifth version: the disappeared treasure. Search. Facts and Assumptions]. Moscow.
6. Ivanov, Yu.N., 2006. *Tantsy v krematorii* [Dances in the crematorium]. Kaliningrad.
7. Peretyaka, N.P., 2016. *Prichaly Yuriya Ivanova* [Berths of Yuri Ivanov]. Moscow.
8. Lasch, O., 1976. *So fiel Königsberg*. Stuttgart.

The author

Dr Alexander S. Novikov, Senior Research Fellow, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia.

E-mail: novic-80@rambler.ru

To cite this article:

Novikov A.S. 2017, Battlefield memories of the youth in Yu.N. Ivanov's oeuvre: The novel *In a besieged ci*, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 30–40. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-3.